

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ

И. В. Чепурина

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Поступила в редакцию 18 мая 2018 г.

Аннотация: статья посвящена анализу грамматических окказионализмов, вычлененных из устной спонтанной речи жителей Крыма. Языковые единицы анализируются в сфере категории рода имени существительного в аспекте творческой деятельности говорящего. Анализ фактического материала проводится в русле «креативной грамматики», предполагающей описание грамматических категорий с точки зрения их выразительных возможностей и прагматической направленности. В статье доказано и проиллюстрировано свободное употребление в спонтанном устном общении ненормативных вариантов имен существительных, род которых зависит только от выбора адресата. Выявлен диапазон форм и функций категории рода в устной спонтанной речи жителей Крыма.

Ключевые слова: грамматические инновации, грамматические окказионализмы, спонтанная речь, креативная грамматика, грамматическая категория, категория рода, актуализация, экспрессивность, разговорный дискурс.

Abstract: the article is devoted to the analysis of grammatical occasionalisms which occur in the oral spontaneous speech of the inhabitants of the Crimea. Language units are analyzed at the level of the category of the gender of the noun in the aspect of the creative activity of the speaker. The analysis of the actual material is carried out from the perspective of "creative grammar", which presupposes the description of gender in terms of its expressive possibilities and pragmatic orientation. It is proved and illustrated that the free use of non-normative variants of nouns in spontaneous oral communication, their gender depending only on the choice of the addressee. A range of forms and functions of the category of the gender is revealed in oral spontaneous speech of the inhabitants of the Crimea.

Key words: grammatical innovations, grammatical nonce words, spontaneous speech, creative grammar, grammatical category, category of gender, actualization, expressiveness, spoken discourse.

Ускорение глубинных процессов в языке, которые находят отражение в языковом творчестве, обусловлено как политическими реалиями, так и интенсивностью межязыковых коммуникаций, стремительным развитием электронных носителей информации, особенностями языка СМИ, рекламы, популярностью спонтанной, импровизированной речи среди представителей различных социальных слоев, языковыми экспериментами в области литературы и т. д. Как отмечает М. Н. Эпштейн, это приводит к значительному увеличению лексических единиц, используемых языком, а также к активизации его грамматических ресурсов – расширению сочетаемости и функциональности языковых единиц [1].

Свобода языкового творчества для образованного человека обнаруживается, по замечанию Ю. С. Степанова, «в стремлении не быть вполне нормативным и не быть неправильным» [2, с. 718]. При этом главным для говорящего становится такой субъективный фактор языковой нормы, как языковой вкус, проявляющийся также и в осторожном вводе «сильной

лексики» (И. Т. Вепрева), в постоянном ощущении тонкости границ допустимого диапазона [3, с. 46]. Это стремление – не быть вполне нормативным – отмечается во всех типах речи, в том числе и разговорном, и, как показывает фактический языковой материал, не только на лексическом уровне, но и в грамматике.

В области лингвистических изысканий грамматические явления все активнее представляются на фоне современных языковых процессов, для которых характерны различного рода инновации. Такой вектор в грамматической науке определяется тем, что «грамматика – это не только область обязательного, предписанного жесткими правилами, принудительного; это еще и сфера, предполагающая закономерное варьирование, которое определяется как особенностями общекатегориальной семантики, так и стилистической (жанровой) природой текста в целом» [4, с. 3].

Под грамматическими инновациями в современной лингвистике понимается способ актуализации грамматических значений, т. е. такие употребления грамматической формы, которые делают ее структурно, семантически, эстетически или прагматически

значимой [5, с. 9]. По общему мнению исследователей, единственной сферой, где частеречные и категориальные значения актуализируются с высокой степенью регулярности, является художественная речь. При этом наиболее интенсивно и наглядно ресурсы грамматической выразительности реализуются в поэтическом языке (см. работы Я. И. Гина, Л. В. Зубовой, Г. М. Зельдовича, И. А. Ионовой, И. И. Ковтуновой, Е. Д. Козлова, Л. В. Курочкиной, Н. К. Онипенко, Е. А. Скоробогатовой, Е. Н. Ремчуковой, Г. А. Хайрутдиновой и др.). В остальных же типах речи, как отмечает И. А. Ионова, грамматические значения находятся «в тени более ярких, очевидных словообразовательных или лексических значений» [6, с. 12].

Соглашаясь с этим утверждением, следует, тем не менее, отметить, что последние исследования XXI в. в области грамматических инноваций обусловлены стремлением их авторов соотносить достижения современной теоретической грамматики с живыми языковыми процессами и представить грамматические явления современного русского языка не только в динамике языкового развития, но и в аспекте речевой деятельности говорящего (см. работы Е. О. Борзенко, М. В. Всеволодовой, М. Я. Гловинской, Б. Ю. Нормана, В. А. Плуноян, Е. Н. Ремчуковой, М. Н. Эпштейна и др.). Этим мотивирован анализ употреблений морфологических средств языка как в художественной, так и в других сферах и типах речи – газетно-публицистической, научно-популярной, эпистолярной, разговорной – в аспекте творческой деятельности говорящего.

Понимание того, что «язык живет и исторически становится именно здесь, в конкретном речевом общении, а не в абстрактной лингвистической системе форм языка» [7, с. 3], обуславливает растущий интерес к разговорной речи как объекту лингвистических исследований, в частности как объекту лингвистики креатива (см. работы Т. А. Гридиной, Е. Москвер, А. В. Петрова, Е. Н. Ремчуковой, Н. Ю. Тимофеевой, В. К. Харченко и др.), уже сложившегося направления в русистике [8]. Проблема изучения креатива разговорного дискурса мотивирована тем, что этот феномен является каждодневным, общим явлением, в той или иной степени свойственным каждому носителю языка.

Разговорный текст сегодня все активнее привлекается к анализу как «творческий», в том числе и с точки зрения грамматики (Е. Н. Ремчукова, Б. Ю. Норман, В. К. Харченко, М. Н. Эпштейн), поскольку в фокус говорящего включаются привычные грамматические механизмы, но в аспекте их нарушения, интеллектуальной или эмоциональной оценки, толкования или метафоризации [5, с. 32]. Лингвисты отмечают сближение в грамматическом исследовании

разговорной и поэтической речи, а именно высокий потенциал грамматической вариативности как общую черту разговорной и поэтической речи. Однако формулируется и различие: в поэзии окказионализм создается с необходимыми, заданными морфологическими свойствами, в других же случаях такая цель может отсутствовать или быть менее очевидной [5, с. 19].

Таким образом, грамматические инновации начинают выходить из «тени» творческих способностей словообразования и лексики, получая самостоятельное лингвистическое освещение на материале различных дискурсивных практик.

Настоящая статья посвящена анализу грамматических новообразований, вычлененных из устной спонтанной речи жителей Крыма. При этом значимыми являются экстралингвистические факторы – тип речевого акта, характеристика говорящего, социальные роли участников коммуникации. Особый акцент делается на понимании и анализе того, для чего говорящий употребляет нестандартную грамматическую форму, что он хочет этой формой выразить.

Цель статьи – представить грамматические инновации, выявленные в сфере грамматической категории рода имени существительного, в аспекте творческой деятельности говорящего.

Материалом исследования послужила картотека кафедры русского, славянского и общего языкознания Крымского федерального университета и личная картотека автора, представляющие корпус спонтанных текстов – услышанных и зафиксированных «домашних диалогов» и «непринужденных диалогов знакомых» – жителей столицы Крыма (г. Симферополь) разного образовательного, интеллектуального и социального статуса. Основанием для введения термина «спонтанный текст», обозначающего устный (звучащий) текст, создаваемый непосредственно в момент речи, стали особые условия текстообразования и особая структура разговорного текста [9, с. 242]. Хронологические рамки сбора и анализа языковых фактов – 2017–2018 гг.

Наличие грамматических инноваций в речи крымчан – это показатель особой чувствительности к языковым эффектам, свойственной носителям элитарного и среднелитературного типа речевой культуры, для которых слово является «поступком в личной жизни» (Г. О. Винокур). Поэтому в нашем фактическом материале, включающем новообразования также лексико-семантического и словообразовательного типа, грамматические единицы количественно значительно уступают.

Сегодня предлагается широкое понимание термина «грамматические инновации». Так, Е. Н. Ремчукова относит к ним различные явления, которые актуализируют элементы грамматической системы,

обеспечивающие выразительность высказывания: грамматические окказионализмы, грамматические контрасты, грамматические ряды, грамматическую вариативность, грамматические рефлексивы, грамматическую метафору и т. д. [5, с. 24–25]. В рамках настоящей статьи мы используем этот термин только по отношению к грамматическим окказионализмам. Под последними будем понимать речевые образования, созданные как по законам языка, так и с их нарушением, т. е. когда, с точки зрения узуса, лексическая семантика и грамматическая форма вступают в противоречие, т. е. «находятся в конфликте» (Н. Г. Бабенко), приводящем к актуализации формы и (или) содержания грамматических единиц.

Анализ фактического материала проводится в русле «креативной грамматики» – важной составляющей лингвистики креатива. Изучение креативного потенциала грамматики предполагает описание способов актуализации грамматических значений с акцентом на выразительных возможностях и прагматических аспектах грамматических категорий. Исследования в этой области показывают, что в условиях «творческого текста» актуализироваться могут различные элементы грамматической системы любой морфологической категории [4; 5]. Проанализированные нами речевые факты выявили морфологические инновации, проявляющие креативный потенциал грамматических категорий рода, числа, компаратива у именных частей речи. Из них категория рода имени существительного как облигаторная, а не интенциональная в русском языке, «ни полностью грамматическая, ни полностью лексическая» (Л. В. Зубова), обнаруживает наиболее многочисленные и яркие примеры конфликта между нормой и внеязыковой действительностью, а следовательно, и наиболее высокую степень креативности.

Анализ речевых единиц показал, что в условиях спонтанного текста креативный потенциал грамматической категории рода проявляется: а) в создании отсутствующего в языке родового коррелята для существительного; б) в изменении родовой принадлежности субстантивов со значением лица для выражения значения противоположного пола; в) в явлении грамматического олицетворения.

1. Создание отсутствующего в языке родового коррелята. Грамматические новообразования этого типа могут быть:

- мужского рода: [Мама желает дочери-студентке удачи в выполнении домашних заданий]: *Пусть к тебе сегодня придет муза, а лучше музык*. Почему «лучше музык»? Потому что девушке интереснее и гораздо важнее, чтобы на нее обращал внимание и к ней приходил ОН, а не она. Эта гендерная особенность акцентируется адресантом посредством нестандартной грамматической формы, в которой актуали-

зировано номинативное значение категории рода (муза → музык). Грамматическая форма деривата выступает как информативный элемент высказывания. Экспрессивность высказывания усиливается грамматической контрастностью – сопоставлением этого окказионализма с нормативным родовым коррелятом *муза*. [Девушка подруге в разговоре о собаке таксе]: *У твоей сестры такой милый рыжий таксист!* [На улице девочка-подросток маме, глядя подбежавшую рыжую дворнягу]: *Какой замечательный дворняжий собач!* *Когда же мы наконец свою заведем*. В речи создаются отсутствующие в языке родовые корреляты к зоонимам женского рода *такса, собака*, служащим общим названием особей женского и мужского пола животных и формально не выражающим семантику пола. Экспрессивность первого деривата-зоонима (такса → таксист) усиливается ситуативной омонимией (*таксист* – ‘водитель такси’), второго (*собака* → собач) – намеренной согласовательной аномалией: *Какой замечательный дворняжий собач – ...свою заведем*. Языковая игра здесь совмещается с эмоционально-оценочной функцией: дериват становится средством яркого выражения положительных эмоций подростка и его сильного желания завести свою собаку;

- женского рода. В нашем фактическом материале такие единицы значительно преобладают, что объясняется общей тенденцией к аффиксальному образованию парного имени женского рода у личных субстантивов. Как правило, эти корреляты имеют яркую экспрессивно-эмоциональную окраску, оценочность и определяют прагматическую направленность высказывания. Ср.: [В поликлинике внушительная очередь. Мужчина медсестре, выходящей из кабинета эндокринолога, после длительного ожидания отсутствующего врача]: *Ну и где же ваша докторесса?* С помощью родового коррелята открыто выражается нарастающее возмущение долготерпящей и удлинняющейся очереди отсутствием врача; [Разговор по телефону в обувном магазине]: *Я тебе что, рокфеллера?* Дериват выражает эмоциональную реакцию и отрицательную оценку адресанта, связанные с высокой ценой на товар, о котором идет речь по телефону, и отказ платить за него). Мужчина в разговоре с коллегой-учителем по телефону характеризует директора одной из симферопольских школ как *нарциссису* (ирония); муж в разговоре с женой называет ее *плюшкинкой* (добрая шутка); бабушка именуется внучку, которую отправляет в смежную комнату узнать, что делает там обидевшийся внук, *парламентершей* (шутка, но выражающая надежду на быстрое примирение и возлагающая ответственность за это примирение на внучку) и т. д.

Выявлены родовые корреляты женского рода, выполняющие номинативную функцию. Ср.: [Худож-

ник, пишущий море, в частном разговоре]: *Маринесс сейчас прибавилось*. «Маринесса» в речевом высказывании получает значение ‘художница, изображающая морские виды’; [Преподавательница вуза, недавно с семьей переехала в село Чистенькое из Симферополя, делится с друзьями]: *У меня здесь уже есть знакомая мясница, у нее всегда свежее и вкусное мясо*. «Мясница» – ‘женщина – продавец мяса’.

Родовой коррелят женского рода может создаваться к одушевленному существительному, у которого род не связан с полом живого существа и определяется системой падежных флексий и синтаксическими факторами. Например, [Женщина лет 50 в очереди городской поликлиники]: *Я в больнице лежала, со мной такая лошица была в палате, а ребенка родила всего два семьсот*. Существительное *лошица* образовано от *лошадь* в перен. разг.-сниж. значении ‘крупная женщина’. Лексическое обозначение родовой принадлежности, а также грамматическое ее выражение в деривате усиливается и эксплицируется с помощью словообразовательного средства – суффикса -иц. Функция этого родového коррелята – эмоционально-экспрессивное усиление, насыщенность образа, с помощью чего рассказчица ярче передает свое ощущение неординарности ситуации: очень крупная женщина рождает маленького ребенка. Экспрессия формы здесь сочетается с экспрессией смысла.

Таким образом, род отражает прежде всего гендерные отношения в сфере человеческих отношений. Лакуны в родовой корреляции слов *муза, такса, доктор, маринист, мясник, нарцисс, плюшкин* и т. д. побуждают говорящего найти словообразовательные модификации, диктуемые значением этих существительных. При этом в родовых коррелятах *музык, таксист, докторесса, маринесса, мясница, нарциссиса, плюшкинка* и т. д. в условиях спонтанного текста актуализируется номинативное значение категории рода, а грамматическая форма мужского / женского рода выступает как информативный элемент высказывания. Подобные новообразования созданы по деривационным законам языка, они носят системный характер и в словообразовании трактуются как окказиональные слова – при широком понимании термина «окказиональность» (В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, Н. Г. Бабенко и др.). В рамках нашего исследования такие дериваты рассматриваются как способ актуализации грамматического значения рода в данной речевой ситуации и квалифицируются как окказиональные соотносительные формы мужского и женского рода, т. е. грамматические окказионализмы.

Большой грамматической нестандартностью и экспрессивностью отличаются родовые соотносительные формы для неодушевленных существительных, выступающие в функции языковой игры и, как правило, не затрагивающие смыслового содержания

высказывания: [Из разговора девушки по телефону в кафе]: *Мне мой на днях такую букетку подарил! Хоть маленький, но все равно очень красивый*. Оценочность и экспрессивность родового коррелята поддерживается восклицательным типом предложения и грамматической антонимией – несогласованностью субстантива с именами прилагательными («букетка» – «маленький», «очень красивый»).

Ср. также: [Из разговора друг о планах на лето]: *Летом планируем поехать на Южку*, т. е. на ЮБК. Существительное женского рода *Южка* образовано суффиксальным способом от вычленного и усеченного первого компонента «южный» из аббревиатуры мужского рода ЮБК (Южный берег Крыма). [Девушка собеседнику по телефону на городской остановке]: *Сейчас сяду в марик и приеду к тебе. Марик – разговорный родовой коррелят к «маршрутка», образованный усечением этого существительного по аббревиатурному типу с суффиксацией*.

Создание в устном речевом общении отсутствующего в языке родового коррелята к одушевленным и неодушевленным существительным – это проявление «родовой гиперкорреляции» (Л. В. Зубова) – стремления языковой системы представить категорию рода более коррелятивной, чем предлагает узус. Лакуны в родовой корреляции существительных заполняются, как правило, посредством суффиксального словообразования.

Таким образом, в спонтанном речевом общении адресант свободно употребляет ненормативные варианты, род которых зависит только от его выбора. В этих случаях род существительного квалифицируется не как постоянный признак, «а как бы изменяющийся, варьирующийся» (Б. Ю. Норман), в результате чего «предстает как словоизменятельная категория, что позволяет говорить об усилении роли словоизменения» [10, с. 6].

2. Изменение родовой принадлежности субстантивов со значением лица для выражения значения противоположного пола.

Окказиональная родоизменяемость выявлена у существительных мужского и женского рода. Так, в речевых высказываниях зафиксировано окказиональное значение женского рода у существительных мужского рода первого типа склонения, которое традиционно характеризуется как женское. Ср.: [Заключив все приготовления на кухне, женщина обращается к дочкам]: *Дети, позовите нашу папу обедать*. Здесь – апелляция к детской фразе старшей дочери, которая в трехлетнем возрасте, увидев во время прогулки в парке идущего навстречу отца подружки, обрадованно крикнула: *Идет Машина papa!* Родовой сдвиг выражается синтагматически – согласованием субстантива с местоимением в женском роде (*нашу папу*) и выполняет функцию прежде

всего языковой игры, но семантически и прагматически осложненной: экспрессия совмещается с воспоминанием об эпизоде из детства и намерением говорящего напомнить об этом эпизоде.

Окказиональное родоизменение преобладает в именах собственных. Говорящий будто испытывает такие существительные «на возможность их изменения по родам для передачи новых смыслов» [11]. Ср.: [Мама игриво интересуется у дочери]: *Дениска к тебе приезжала сегодня?* (Денис – парень дочери, отличающийся астеническим телосложением и нежными чертами лица.) Употребление уменьшительно-ласкательной формы мужского имени на -а в значении женского рода актуализирует такие признаки, как изящность, хрупкость облика молодого человека, с одной стороны, и особое отношение женщины-матери к приятелям ее дочери – с другой. Родовой сдвиг выражается синтагматически – формой сказуемого (Дениска приезжала).

В изменении родовой принадлежности существительного мужского рода на женский могут участвовать словообразовательные средства: [Хозяин ресторана, наблюдая попытки своего сотрудника приподнять в зале тяжелую музыкальную колонку]: «*Ох, и Герахля!*» В контаминанте *Герахля* (Геракл + рохля) актуализирована форма женского рода (от мотивирующего существительного общего рода *рохля* – разг. ‘Медлительный, нерасторопный человек’). В семантически осложненном деривате актуализированы семы ‘слабый’, ‘женственный’, ‘имеющий негативную оценку’. С прагматической точки зрения такое употребление демонстрирует превосходство адресанта, хозяина ситуации, или (и) как шутка снимает появляющееся в зале напряжение.

[В многодетной семье сестры-школьницы друг другу]: *Настя, посмотри, какой Даш у нас жадный: купила себе дорогой крем для обуви, спрятала и пользуется им, когда никто не видит.* Здесь наблюдается изменение родовой принадлежности женского имени Даша. Оно выражается формой самого имени собственного *Даш* с нулевой флексией, а также синтаксически – формой мужского рода местоимения *какой* и прилагательного *жадный*. В этом оценочном высказывании форма мужского рода женского имени снимает серьезность речевой ситуации, придает ей шуточный оттенок. Возникает эмоциональная гибкость высказывания, которое можно расценить и как упрек, и как шутку. [Женщина напоминает родственникам о поездке к крестной, по фамилии Захарова]: *Сегодня гостим у Захария*; [В неформальной беседе руководитель частного предприятия относительно нового менеджера-женщины, по фамилии Зайцева]: *Заяц пока отлично справляется с коллективом; Маринадик!* – обращение девушки к близкой подруге по имени Марина; *Светлячок!* – обращение близких или

родных к девушке по имени Света. У имен собственных – женских фамилий, имеющих форму мужского рода и относящихся ко второму склонению, значение мужского рода может обыгрываться на уровне синтагматики: [Женщина-филолог неодобрительно в адрес коллеги-приятельницы Ирины, по фамилии Шум, которая в выходные дни, как правило, отключает мобильный телефон]: *А Шум молодец, отключился на выходные и горя не знает.*

В отдельную группу выделяются формы мужского рода – ласковые наименования и обращения, адресованные маленьким дочкам или внукам. Например: [Родители о маленькой говорливой дочке]: *А чем так занят наш мальшюк, что его уже несколько минут не слышно?* См. также грамматическое обыгрывание субстантивированных прилагательных в функции вокатива при обращении, как правило, мам или бабушек к девочкам дошкольного возраста: *Подойди ко мне, мой хороший...* *Ешь, ешь, наш золотой* и т. д. Родовой сдвиг в этих высказываниях, возможно, связан с влиянием существительного мужского рода ‘ребенок’ и ‘малыш’, при употреблении которых пол оказывается несущественным для восприятия. Стимулом к этой аналогии, вероятно, послужило отсутствие резких отличий во внешности малышей-девочек и малышей-мальчиков в сравнении с уже гендерно выраженной внешностью у старших детей.

Лексические единицы мужского рода, обращенные к лицам женского пола, могут быть окказиональными: [Мама рыдающей дочке]: *Не плачь, мой хорошик, ты самый лучший*; [Девушка сестренке, узнав, что та заболела]: *Ты что, хворастик?* Такие грамматические неправильности имеют яркую экспрессивную окраску и эксплицируют чувства женщины к своим маленьким детям или внукам, нуждающимся в защите и ласковом слове.

Изменение родовой принадлежности личных имен существительных для выражения значения противоположного пола в условиях спонтанного текста наиболее ярко отражает интенциональный характер грамматической категории рода, а именно, по А. В. Бондарко, «связь семантических функций грамматических форм с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, способность содержания, выражаемого данной формой (во взаимодействии с ее окружением, т. е. средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла» [12, с. 29].

Актуализация грамматического значения рода в составе речевой единицы происходит посредством морфологических средств (падежных флексий: *Даша* → *Даш*, *золотой* (субст.), *хороший* (субст.)), морфологических и словообразовательных (*Геракл* → *Герахля*, *Марина* → *Маринадик*, *Света* → *Светлячок*), синтаксических (*наша папа*; *Дениска приезжала*;

(Ирина) Шум отключился, а также их сочетания (мой хороший, наш золотой; мой хорошик, наш малыш). Такое многообразие форм категории рода свидетельствует о высокой степени актуальности для русского языкового сознания корреляции «род – пол».

3. Связь категории рода с полом, а также с категорией одушевленности-неодушевленности, влияющими на ее семантику, делает возможным выражение в спонтанном тексте грамматической одушевленности у эргонимов и прагматонимов независимо от их лексического значения: [Женщина 40 лет утром просит дочь]: *Посмотри на сегодня погоду, не понимаю, что надеть. Дождь есть?* – *Гисметео показывает дождь и грозу.* – *Посмотри еще Синоптика. Он правдвее;* [Мама подростку, делающему уроки]: *Вот спроси своего Гугла голосом: где обитает рысь?* [В магазине парень лет 25 покупает пиво и воду]: *Одного «Белого медведя» и минеральную без газа;* [Из семейного диалога отца и дочери-студентки]: *В субботу с девочками хотим поехать в Судак, погулять по крепости и по набережной.* – *Загляните в «Сытого папу». Он вас покормит, если, конечно, сохранился там.*

Грамматическое олицетворение может проявляться и в отношении нарицательных существительных в переносном употреблении. При этом значение одушевленности выражается морфологически: [Женщина на пляже, начинающая заходить в воду]: *Лизунь, принеси краба, все-таки не буду мочить волосы (краб здесь – перен. ‘Зажим для волос’);* морфологически и синтаксически: [Бегущая по рынку девушка осуждает по телефону знакомую]: *...Непонятно с кем познакомилась, через месяц этого счастья посадили.*

Таким образом, представленный диапазон форм и функций категории рода в устной спонтанной речи жителей Крыма выявляет высокую степень креативного переосмысления этой грамматической категории в разговорном типе дискурса. Анализ языковых фактов иллюстрирует противоречивость категории рода, которая не является ни полностью грамматической, ни полностью лексической, вследствие чего лексика и грамматика могут вступать в конфликт. Намеренность этого конфликта со стороны говорящего, его грамматическая «смелость» расширяют спектр индивидуальных выразительных средств адресанта для выражения оценочности и дополнительных содержательных смыслов высказывания, а также демонстри-

руют лингвистический интеллект и вкус говорящего как языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эпштейн М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество / М. Н. Эпштейн // Знамя. – 2007. – № 3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html>
2. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
3. Вепрева И. Т. Рефлексия как аксиологическая основа формирования стилистической нормы / И. Т. Вепрева // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н. А. Купиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 42–57.
4. Курочкина Л. В. Интенциональные грамматические формы существительного в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Курочкина. – Ростов н/Д., 1999. – 25 с.
5. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики / Е. Н. Ремчукова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 224 с.
6. Ионова И. А. Морфология современной поэтической речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. А. Ионова. – Л., 1990. – 35 с.
7. Сибирякова И. Г. Тематическое структурирование разговорного диалога : дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Сибирякова. – Екатеринбург, 1996. – 230 с.
8. Лингвистика креатива – 3 / под общ. ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – 344 с.
9. Борисова И. Н. Замысел разговорного диалога в структуре коммуникации / И. Н. Борисова // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н. А. Купиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 241–272.
10. Богатырева О. Л. Креативный потенциал категории рода в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Л. Богатырева. – М., 2008. – 24 с.
11. Зубова Л. В. Категория рода и лингвистический эксперимент в современной поэзии / Л. В. Зубова. – Режим доступа: <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/zubova2.html>
12. Бондарко А. В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1994. – № 2. – С. 29–42.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Чепурина И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания

E-mail: simgt@inbox.ru

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky
Chepurina I. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian, Slavic and General Linguistics Department

E-mail: simgt@inbox.ru